

**Отзыв официального оппонента
о диссертации Даржаевой Надежды Баировны
«Квзисинонимические обстоятельственные конструкции
в бурятском языке»,
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук. Специальность 10.02.02 – Языки
народов Российской Федерации (урало-алтайские языки). Улан-Удэ, 2018.-
355 с.**

Диссертация Н. Б. Даржаевой продолжает исследования синтаксиса бурятского языка, с одной стороны, и изучение типов полипредикативных синтаксических структур в монгольских языках и языках народов Сибири, в первую очередь в монгольских языках. Принадлежность этой работы по предмету и формальному аппарату сама по себе привязывает ее к двум названным трендам современной лингвистики, хотя нет никаких сомнений в том, что эти области языкознания, в том числе области современной теории синтаксиса, имеют давние традиции и достижения, и в их разработке принимали участие виднейшие монголоведы А. Бобровников, Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеев, Т. А. Бертагаев, а также и ныне здравствующие – Г. Ц. Пюрбеев, Е. К. Скрибник, В. Н. Мушаев. **Актуальность темы** диссертации связана с дальнейшим изучением полипредикативных конструкций в бурятском языке, в монгольских языках и языках урало-алтайского типа, с необходимостью исследования смысловой и структурной дифференциации конструкций с обстоятельственными значениями, достраиванием теории конструкций с зависимыми предикатами, наконец, с перспективами дальнейшего более глубокого изучения бурятского синтаксиса. **Научная новизна диссертации** Н. Б. Даржаевой, как справедливо отмечает соискательница, связана не только с разработкой теории вопроса и отработкой методики синтаксического анализа – это скорее относится к **теоретической значимости** работы – сколько с решением множества частных проблем семантики, стилистики и нормативности отдельных конструкций бурятского языка, ранее не привлекавших внимания исследователей и недоступных для анализа по причине отсутствия необходимой методики.

Теоретическая значимость представленной работы Н. Б. Даржаевой исключительно многоаспектна, она затрагивает проблемы синонимии, в том числе синтаксической, как уже сказано, одно из ее направлений – методика анализа полипредикативных конструкций или семантики неличных форм глагола в определенных сочетаниях с послелогом. Названные проблемы исключительно актуальны и значимы в теоретическом плане для освещения современных проблем синтаксиса урало-алтайских языков ответов на многие грамматические вопросы отдельных конкретных языков, о чем знали и М. И. Черемисина и автор диссертации (с. 25 диссертации). Вполне понятно, что в области, избранной автором, существует множество проблем с «синонимичными» формами и конструкциями в материале тюркских языков или тунгусо-маньчжурских языков северной подгруппы (эвенкийском и эвенском). **Практическая ценность** обсуждаемой диссертации связана с чтением лекций по грамматике бурятского языка, с разработкой новой академической грамматики бурятского языка, поскольку предыдущая фундаментальная грамматика этого языка издана более полувека назад. Кроме этого, диссертация Н. Б. Даржаевой может стать основой для

различных разработок по бурятской грамматике, в частности, в ней заключен объектный фрагмент словаря синтаксических конструкций бурятского языка. **Методология и методика** исследований адекватны для решаемых в работе проблем и совершенно корректны. Здесь особое достоинство диссертации составляет разнообразие применяемых методов от обращения к корпусу бурятского языка до работы с информантами. **Личный вклад автора** в рассматриваемые проблемы, представленный в объеме работ по диссертации и их содержании, исключительно значителен и связан не только с синтаксисом бурятского языка, но и с проблемами стилистики.

Работа Н. Б. Даржаевой состоит из Введения, пяти глав, заключения, списка литературы и двух приложений.

Введение (с.5-23) излагает основную проблематику работы. Глава I «СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОБЛЕМЫ» (с.23-51) имеет теоретико-методологический характер, демонстрирует в деталях цели, задачи и общую проблематику работы в языкознании как науке. Глава II. «ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КВАЗИСИНОНИМИЧЕСКИХ ТЕМПОРАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ» (с.51-131) освещает разнообразие бурятских темпоральных конструкций и уточняет их значение. Глава 3 «ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КВАЗИСИНОНИМИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ» (с.131-210) посвящена весьма для любого языка сложным вопросам семантики конструкций обусловленности. Глава IV. «ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КВАЗИСИНОНИМИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ СРАВНЕНИЯ, ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ, МЕРЫ ИСТЕПЕНИ» (с.210-258) посвящена более или менее традиционным для синтаксиса, но важным в контексте работы предметам, обозначенным в названии главы. Глава V «ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КВАЗИСИНОНИМИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ ПРИСОЕДИНЕНИЯ, СОПОСТАВЛЕНИЯ, ПРЕДПОЧТЕНИЯ И СООТВЕТСТВИЯ» (с.258-304) связана с реализацией ряда модальных оттенков в грамматических характеристиках анализируемых конструкций. Заключение (с.305-311) весьма содержательно подводит итоги проделанной работы. Библиография к работе (с.311-337) включает 215 названий на русском языке, 13 – на монгольском и 47 – на иностранных языках. Отдельно (с. 337-339) дан список сокращений источников примеров. Первое приложение (с.339-341) включает список сокращений к описаниям и аппарат глоссирования. Второе приложение (с. 341-355) – своеобразный словарь описываемых синтаксических конструкций бурятского языка.

Характеристика объема работы и задач исследования лучше всего сформулирована автором диссертации: «Каждый семантический тип обстоятельственных конструкций насчитывает от 10 до 27 разноструктурных единиц, семантическая специфика которых с первого взгляда не очевидна» (с.8 диссертации). «Существующая теория и традиционная система терминов не объясняют количество конструкций и семантику отношений между ними. Следовательно, необходимо найти ранее не выявленные параметры противопоставления, создать для них новые термины, доработать классификационную теорию, а также выработать алгоритм дифференциации синонимических конструкций и найти адекватные параметры описания» (с.9).

Две гипотезы работы значимы для понимания ее содержания. Первая гипотеза связана с тем, что специфическая форма должна иметь конкретное содержание. Далее автор пишет: «Согласно второй гипотезе, большое количество

обстоятельственных конструкций может быть связано, с одной стороны, с наличием нетривиальных семантических оппозиций, характерных именно для бурятского, и, в целом, для монгольских языков. С другой стороны, можно предположить свободное варьирование как следствие бурного развития и становления литературной формы бурятского языка на широкой диалектной базе, возможно и под влиянием русского языка». (с.17).

Очень хорош присутствующий в диссертации обзор проблемы с вниманием к теоретическим работам и разработкам на материале русского языка.

Степень детализированности классификации материала представлена, например, на с. 42 диссертации: *«К специфичным микрогруппам и отдельным конструкциям, выделенным нами в бурятском языке, относятся конструкции следования, не соответствующего ожиданиям, приблизительной одновременности, конструкции “долгосрочной” цели, конструкции цели с оценочным компонентом, конструкции образа действия с несоответствием ожиданиям, конструкция с целью-мотивацией, конструкция причины с количественной оценкой, конструкция сравнения-интерпретации, конструкция одновременности с прагматической оценкой, конструкция действия в соответствии с социальными нормами или индивидуальными стереотипами».* Столь же детально характеристики различий в значениях конструкций с послелогом шалтагаан-һаа и шалтагаан-аар (с.44), учтена моносубъектность – разносубъектность конструкций, роль отрицания (с. 47, 48).

В диссертации, несмотря на то, что ее основное содержание – синтаксическое, видно проявление внимания к лексическим единицам и морфемам. Автором обращено внимание даже на значения падежей, оформляющих послелог (С. 55-56). Так, диссертантка говорит на с.81 своей работы: *«Однако мы обнаружили несколько степеней этого интервала: минимальный (непосредственный), короткий, короткий и размытый, слегка дистанцированный (незадолго)».* Средства регуляции интервала – морфологические, а самой классификации этих интервалов до настоящей работы не было. Еще пример - о конструкциях ограничительного следования: *«Эти конструкции отличаются между собой использованием разных причастий и лексемы саг ‘время’, поэтому дифференцирующие параметры будем искать в них»* (с. 68). Внимание к таким фактам верно методологически. Такие же рассуждения: *«Итак, значение прерывной одновременности выражается в бурятском языке только специализированно: семантика прерывности заложена в значении самих послелогов»* (с.123); *«Различие между конструкциями с баг-та и баг-аар также состоит в дополнительном оттенке растянутости, придаваемом аффиксом орудного падежа»* (с. 124).

Для характеристики диссертации значимы следующие характеристики материала: *«Итак, как нам представляется, конструкции с послелогом үедэ и сагта практически являются вариантами. Однако наши наблюдения показывают, что конструкция с үедэ все-таки характеризуется книжным стилем употребления»* (с.102). *«Редкая специализированная деепричастная форма на –а анда является, по нашему мнению, полным синонимом конструкции с дээрэ»* (с.117). *«Итак, вариантами, или полными синонимами, нами признаются конструкции с послелогом шалтагаан-һаа и шалтагаан-аар, которые являются семантически идентичными и полностью взаимозаменяемыми»* (с. 135). Это существенно для теоретического аппарата работы: полностью избавиться от

абсолютных синонимов и дублетов все-таки не удастся. Есть ценное наблюдение: «Конструкции-варианты с послелогоми *шалтагаан-һаа* и *шалтагаан-аар* (исходный и орудный надежи) начали расходиться по комбинаторике: с исходным надежом чаще используется причастие многократное, а с орудным – причастие прошедшего времени» (с.137) Еще собственно синонимы или дублеты; «Две конструкции с послелогоми *сасуу* и *адли* показали абсолютную взаимозаменяемость без ущерба смыслу»(с. 64).Значит, синонимы могут расходиться, что, собственно, ожидаемо.

Ценное наблюдение сделано на с. 169: «Крайне редко встречаются примеры с -хААр, хотя в других монгольских языках – халха-монгольском и калмыцком – это основное деепричастие цели». Это значит, что обобщения для тонкого синтаксического анализа не будут работать и могут вводить в заблуждение. Очень важен анализ конструкций условия (с.182 и сл.), то, что сослагательное наклонение выражает ирреальное условие (с.190), выявлены тонкие нюансы в выражении меры и степени (с. 244).

Автором сделана важная оговорка - Корпус не всегда дает материал (С. 176), и его приходится отыскивать и проверять по другим источникам

Критические замечания по диссертации Н. Б. Даржаевой разнообразны, но по большей части они связаны со сложностью и неразработанностью предмета работы.

Первое - немного непонятно, почему автор столько внимания уделяет сущности синонимии и проблеме лексической синонимии Само употребление термина квазисинонимия, Квазисинонимический – выглядит как излишний педантизм, ибо читатели должны знать отношение синонимистов к проблеме понятия синонимии и фактам синонимии, тем более, что в работе много фактов конкретной синонимии, что признает автор. Определение синонимии М.А. Кронгауза верно теоретически с точки зрения лексической семантики, но вызывает вопросы в в плане системности лексики и с трудом реализуется в лексикографии и в синтаксических описаниях.

Диссертантка пишет на с. 46 своей работы: «Теоретически есть еще один экстралингвистический параметр –социальный (социолект), но он не характерен для синтаксиса сложного предложения». Есть такой языковой материал, как детская литература и язык учебных пособий, вовлечение его в контекст исследования - это тоже социолингвистика.

К с. 50 диссертации – есть вопрос к автору: из опыта полевой лингвистики явствует, что интересно было бы наблюдать реакцию собеседников в диалоге на некоторые неточности в употреблении форм.

Ряд вопросов к примерам: С.54 диссертации -V-һАн-ай-POSSудаа ‘после того как’V-һАн-ай-POSS һүүлдэ ‘после того как’V-һАн-ай-POSS һүүлээр ‘после того как’V-һАнхойно-POSS ‘после того как’ Описывается отношение конструкций, неясно, нельзя ли что-то сказать о семантике их конструктивных компонентов-послелогов? Ведь особенности их употребления должны включаться в словарные статьи.

С. 61 диссертации: «Конструкции соответственно этой оценке делятся на три группы: близкое следование (-хАлААр; -хАмүртэ-POSS, -һАнбэээр-POSS.REFL ‘затем, как только’), мгновенное следование (-мсААр, сасуу, адли, зэргэ,хамта), сверхмгновенное следование (-н сасуу).» Почему не переводить сразу же после того, как или немедленно после того, как? То же о примерах на с. 63.

С. 68 «конструкция с лексемой саг в исходном падеже, являясь калькой русского 'с того времени как', относится скорее к письменной речи». По данным нашего ресурса «Библиотека лексикографа» используемый диссертанткой оборот С того времени, как представлен в 2924 документах, но оборот с тех пор, как – в 27126 документах оборот с той поры, как (ср. «С той поры, как создан свет. Лучшие свахи в мире нет» (А.Цагарели.Ханума)– в 2574 документах, ср. перевод с тех пор как на с. 75

Неосторожно сказано на с. 73: оттенок аналитической формы -н гэ- «Кроме того, мы относим конструкцию к разговорному стилю, так как она характерна для устных рассказов, сказок, улигеров». Нарратив может серьезно отличаться от других форм коммуникации по составу форм.

На с.283 сказано: «Конструкция с -нхаар часто встречается в устойчивых выражениях» - нет ли примеров во фразеологии или в поговорках? Среди примеров есть одна явная калька с русского насчет ста тугриков.

То, что автор называет конструкцией междувременности(с.127-130)– на самом деле дискретность, многоактность действия. Некоторым недостатком работы может быть названо отсутствие наблюдений над видовыми формами глагола в анализируемых конструкциях, видовые значения могут формировать ограничение на вхождение в конструкции.

Непонятно, зачем нужен этот пассаж: «Бурятскому художественному тексту, устному народному творчеству, а значит, и вообще бурятской ментальности, присуще яркое образное мышление. Оно прослеживается и в других разных видах искусства и творчества» (с.213). Для иллюстрации сказанного можно привести примеры из эпоса или сказок. Тем более интересна возможная вариативность (см. с. 220).

При том, что список литературы обладает множеством достоинств – автором найдены и учтены три статьи петербургской монголистки м.н.с. Л. А. Карабаевой, в ней есть недочеты. Вот перл, в котором я не сразу смог разобраться: «Балли Ш. Очерки по синонимике современного русского литературного языка / Ш. Балли. – Москва-Ленинград., 1966. – 15 с.» Речь идет об одноименном сборнике, изданном ИРЯ в 1966 г.

Не указано, что издание *Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. С.С. Сай, В.В. Баранова, Н.В. Сердобольская. – СПб.: Наука, 2009.* входит в серию «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований».

Валентина Юрьевна Апресян именуется в мужском роде. Неверно указаны инициалы М.Н.Орловской.

В диссертации ожидаемо есть теоретические разработки А.В.Бондарко но нет важнейшего труда: Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. 2-е изд. М.: "Эдиториал УРСС", 2001.

Странно, что в работе нет ссылок на труды В.Г.Гузева и нет его учениц, чьи работы посвящены номинализации действия, материал чего отвечает полипредикативности, это несколько иная теория, но отличия ее от теории М.И.Черемисиной и ее последователей в основном формальные. Автор отзывается вместо номинализации иногда пользуется термином «депредикативизация», имея в виду именно характеристики зависимых предикатов.

В списке литературы нет грамматики М. А. Кастрена Castren's M. Alexander. Versucheiner burjätischen sprachlehre nebstkurzem Wörterverzeichnis. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1857. — xvii, 244 s.

Диссертация В. Б. Евтюхина по обусловленности есть только в библиографии. Вообще нет работ Э. Н. Акимовой (Саранск-Москва), посвященных истории категории обусловленности в русском языке.

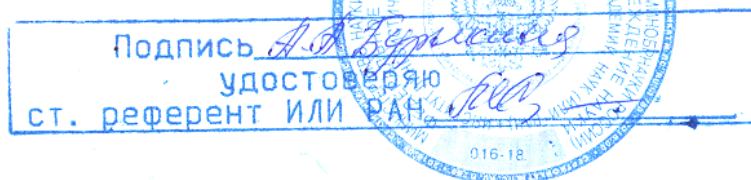
Высказанные замечания не касаются сущностных и содержательных характеристик диссертации Н. Б. Даржаевой и не влияют на ее высокую оценку.

Автореферат диссертации, 4 монографии, 16 статей из перечня ВАК и системы Web of Science и, 27 статей в других содержаниях, необходимым образом отражают содержание диссертации Н. Б. Даржаевой.

Диссертационная работа Н. Б. Даржаевой «Квазисинонимические обстоятельственные конструкции в бурятском языке» представляет собой оригинальное, самостоятельное и завершённое исследование в области теории полипредикативных конструкций и синтаксиса бурятского языка. Эта работа полностью отвечает требованиям пунктов 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» № 842 от 24.09.2013 г. Автор диссертации Н. Б. Даржаева вне всяких сомнений заслуживает присуждения ей искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (урало-алтайские языки).

3 сентября 2019 года

Бурькин Алексей Алексеевич,
доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Словарного отдела
Института лингвистических исследований РАН

albury@mail.ru

специальность 10.02.19 – теория языка

07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Институт Лингвистических исследований РАН

199053, Санкт-Петербург, В-53, Тучков пер. д. 9.Тел. (812) 328-46-11